Вадим Рабинович

«Алхимик себя ощущал всегда в состоянии „без пяти минут вечность“...»

Vadim Rabinovich — Professor, Head of the Section «Languages of Culture», Russian Institute of Culture Studies, Moscow, Russia. av180794@yandex.ru

Vadim L. Rabinovich is known to the Russian-speaking audience as the author of «Alchemy as a Phenomenon of Medieval Culture» first published in 1976 and recently appeared in second edition. In his interview to the Journal V. Rabinovich speaks about the hurdles he faced while publishing the first edition, makes explicit his understanding of the meaning of alchemy as cultural phenomenon, and explains the reasons for using a special «literary» style in his writings. He gives some particular details about his scholarly and literary career in the history of science.

Keywords: science and religion, science studies, alchemy, hermetical tradition.

Добрый день, Вадим Львович. Наш номер посвящен теме «Религия и научная революция». Споры о степени влияния религиозного фактора на процесс становления западноевропейского естествознания продолжаются до сих пор. Можно ли однозначно говорить о позитивном или негативном влиянии религии на науку раннего Нового времени?

Вадим Рабинович. Если в самых общих чертах, то религия древнее науки, она существует столько же, сколько существует человек. Создание науки, то есть научного теоретического мышления XVII века, застало религию врасплох: появляется научное знание, которое говорит, что оно может обойтись и без религии. Установка такая: научное знание призвано открывать новые истины, на основе которых еще новые до дурной бесконечности, а религия говорит, что истина существует с самого начала, ее только надо выявить и явить городу и миру. Вот фундаментальное различие между религией и наукой и почему наука и религия не сводимы одна к другой.

Вы спрашиваете, как религия помогла науке стать наукой? На мой взгляд, религия сыграла в этом процессе очень значимую роль. Во-первых, возьмем идею двойственной истины, как она сформировалась в христианском богословии, — одна истина дается в откровении, другая получается с помощью знания. Знание и откровение более или менее связаны в поиске истины, но у них разные природы. Если знание в откровении дано в начале и может явиться одержимому верой человеку, то научное знание добывается. И вот Аверроэс, а также и другие мыслители Средних Веков, еще сказал, что двойная истина предполагает тварный мир, который изучаем, над которым можно поставить те или иные эксперименты, выявляющие тайны этого мира, и над этой пирамидой, как ее вершина, является Бог. Бог — источник откровения и прозрения, без которого знание будет неполноценным, но, замечу, оно будет знанием. Так учение о двойственной истине, сформировавшееся в рамках христианского учения, положило начало разделения на секулярную науку и отдельную от нее религию. Этот процесс зародился внутри христианского учения.

Во-вторых, в европейской средневековой мысли было две тенденции, которые обе внесли свой важный вклад: схоластическая и мистическая. Схоластическая тенденция сформировала логический аппарат новой науки, не в полном виде, но, по крайней мере, схоластический метод положил начало научной логистике. Мистики же говорили, что все вещи мира наполнены Богом, не суммарно Бог над всем, но каждая вещь словно бы озарена Божьим светом, и в каждой вещи содержится Бог. Такая трактовка отношения к тварному миру повлияла на формирование эмпирического подхода к получению научного знания, необычайно важного для понимания специфики новоевропейского человека.

Относительно христианской догматики ясно. Но что-то в самых общих чертах вы могли бы сказать о влиянии герметической философии?

Герметическую философию, обычно, принято рассматривать в связи с так называемыми «оккультными науками», прежде всего, с алхимией и астрологией. Я больше буду говорить об алхимии, так как ей я больше занимался.

Мое видение сущности алхимии таково. Алхимик является не подчиненным Богу, а богоравным. Бог, конечно, является творцом мира, но алхимик строит со-параллельный Богу космос. Он строит мироздание, но в терминах земных, трансмутационных превращений металла из одного в другой и путем осуществления своего делания стремится к состоянию совершенства.

Например, золото символизируется Солнцем, серебро — Луной, медь — Венерой, так возникает два ряда, один созданный Богом, а другой — человеком: земной и небесный ряды. Я придумал такую формулу, чтобы выразить одним предложением дело и говорение и фразеологию алхимиков: с одной стороны, дело это делает рука, с другой стороны, деяние это творит десница. Таким образом, в этой фразе сочетается действие и священнодействие единовременно, соединяются верх и низ изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста, который это все, как верили алхимики, и придумал.

Алхимик, с одной стороны, оперирует с веществом, с другой — размышляет о его сущности. В речи алхимика «сера», например, это и та сера, которую, условно говоря, можно нюхать и резать ножом, и одновременно это принцип твердости. Размышляя о природе вещества и оперируя с ним, алхимик моделирует способ научной химии, которая точно также работает с реальными веществами и одновременно пользуется общими категориями. Вот это главный урок, который преподала алхимия химии как одной из наук Нового времени.

Алхимия вообще-то не претендовала на то, чтобы быть наукой в современном понимании. Хотя она и называла себя «неизменной наукой», но настоящая наука не может быть неизменной. «Неизменная наука» — это такой оксюморон, в конечном счете. Алхимия искала окончательного знания, например, такое гипотетическое вещество, с помощью которого можно было получить чистое золото или совершенное лекарство. Это мечта, конечно, не только химическая — это мечта о достижении человеком совершенства. Образ этого совершенства все время отступал, как мираж, скрывался за океаном, и алхимик себя ощущал всегда в состоянии «без пяти минут вечность». Вечность означала достижение всего и свершение всех времен, но до нее всегда не хватало пяти минут. И для этого всегда были оправдания и всегда что-то мешало.

Если алхимия устремлена в небеса, то в случае астрологии звезды влияют на жизненные судьбы людей. Астролог идет от небес к конкретной жизни каждого человека, алхимик — от конкретных веществ к небесам. Вот, например, случай, произошедший с известным итальянским философом и математиком Джироламо Кардано. Он родился больным мальчиком, ему астрологи предсказали, что он умрет в 75 лет. Его вылечили, он прожил долгую жизнь и, поскольку он искренне верил в астрологию, по окончании 75 года принял яд, чтобы не поставить предсказателей в неловкое положение. Что касается астрологии, то ей я не верю, хотя сами прогнозы с удовольствием смотрю — они оставляют простор для моего воображения.

Вы давно занимаетесь темой алхимии. Могли бы вы сформулировать кратко, если это возможно, конечно, своего рода алхимическое кредо?

Хороший вопрос. Я думал об этом, для меня символом алхимического деяния является философский камень. Философский камень — это краеугольный философский камень преткновения у Христа за пазухой. Почему так? Алхимическое Средневековье было с точки зрения догматического Средневековья ересью, о которую оно, в конечном счете, и споткнулось, ведь алхимия предвосхищает науку Нового времени. Философским этот камень является постольку, поскольку алхимический процесс, как я уже говорил, предполагает одновременное оперирование с настоящим веществом и размышление о его природе.

Что касается у «Христа за пазухой» — конечно, алхимик, еретик, так как он противопоставляет себя христианам, соперничает с Богом, сочувствует гностикам, если хотите, он более язычник, чем христианин. Алхимик должен притворяться христианином, чтобы его не сразу повесили или сожгли — я бы сказал, что он видит языческие сны, но в форме христианской яви. Вот почему алхимия почти дозволена и процветает при дворах различных князей Средневековья.

Ваша докторская диссертация была посвящена проблеме реконструкции донаучных форм знания. Не могли бы вы в самых общих чертах рассказать об этой работе?

Это была уловка и хитрость, необходимая для получения научной степени. На самом деле я защищал книгу. Автореферат официально был озаглавлен, как я помню, «Опыт исторической реконструкции донаучных форм знания». А у диссертации была расшифровка в скобках — «Алхимия как феномен средневековой культуры». Дело в том, что в то время невероятно сложно было защититься с такой формулировкой.

Недавно вышло второе издание вашей известной книги. Не могли бы вы рассказать, чем первое издание отличается от второго?

В этом издании воспроизводится текст, изданный в 1979 году. Кроме этого в ней представлена «цензурная история» того издания. Она была совершенно драматической. Это были *те* еще времена, довольно злые времена. Был институт так называемого внутреннего рецензирования и эту книгу посылали на семнадцать внутренних рецензий. Мой директор Семен Романович Микулинский посылал мою работу на свои рецензии, а я посылал на свои. Мои рецензии были классные — от Бахтина, Асмуса, Рутенбурга, Аверинцева, Лихачева... А его рецензии были плохонькие — от Г. Майорова, Г. В. Быкова, Н. Фигуровского. В этом новом издании воспроизведена, как сказал бы Петр Абеляр, история моих бедствий. И еще там есть памфлет, в котором я сатирически изобразил всех своих хулителей и оппонентов. Многие, впрочем, мне помогали, о них я тоже в красках рассказал.

Как вы пришли к изучению алхимии?

Я химик по образованию, окончил химический институт им. Менделеева. После этого я закончил Литературный Институт им. Горького по классу замечательного поэта Ильи Сельвинского. Одновременно я учился в очной аспирантуре Института горючих ископаемых, где написал кандидатскую диссертацию «Исследование некоторых превращений пропана на смешанных полифункциональных катализаторах».

И вот, защитив диссертацию, прохожу я по Малой Лубянке и вижу «Институт истории естествознания и техники». Захожу туда, в институте никого, думаю, не праздд-

ник ли, оказывается, там работают два дня в неделю. Это мне очень понравилось. Захожу, там сидит зам. директора Александр Сергеевич Федоров, я ему говорю «Я — Рабинович». «Ну хорошо, чем ты знаменит?» «Пишу стихи и написал кандидатскую диссертацию». Короче говоря, проработав там год на общественных началах, я попросил тему об алхимии.

Почему именно алхимия? У меня два образования — с одной стороны я литератор, с другой — химик. Мне хотелось заняться чем-то таким в истории химии, чтобы можно было применить свои химические знания и одновременно написать что-то такое поэтическое. Две мои профессии помогли одна другой в выборе этой темы.

Так вот прихожу я к С. Р. Микулинскому, говорю, что хочу писать об алхимии как феномене средневековой культуры. К этому времени у меня уже вышла статья в БСЭ на тему алхимии. Микулинский меня выслушал и говорит: «Но ведь алхимия — это же лженаука, а у нас институт научный, а вы будете заниматься какой-то лженаукой». А я ему говорю: «Нет, Семен Романович, это не лженаука, это же феномен культуры». Он мне отвечает: «Ну что вы, такого не может быть». И тут я ему показываю эту статью из энциклопедии, он ее от начала до конца читает, видит мою фамилию и восклицает: «Так это же вы сами и написали!». А я ему отвечаю: «Написал я сам, но теперь это уже мнение всего Советского Союза!». Ему нечем было крыть, но обиделся он крепко.

Какие из алхимиков оказали наибольшее влияние на ваше творчество, вы занимались кем-то специально?

Больше всего я занимался Роджером Бэконом. Наверное, он был мне больше всего близок. Он был экспериментатор, мученик, сидел в тюрьме.

Можно ли рассматривать ваши занятия алхимией как форму сопротивления советской системе?

Ну, дисседентом я никогда не был. Я был инакомыслящим, но не диссидентом. Вот научной норме я противостоял всем своим существом. Роджер Бэкон, скрывая свой интерес, ко-

нечно, как всякий уважающий себя францисканец, доискивался до первоначальных основ христианства, считая их святыми и важными, а это был самый большой грех. Так же как и в мои тогдашние времена требование восстановления ленинских норм партийной жизни, например, было гораздо крамольнее, чем сказать «долой советскую власть».

Есть ли у вас какие-то планы на будущее? Публиковали ли вы еще какие-то работы, посвященные алхимии?

Сейчас я отдал в издательство «Алетейя» книгу «Видение о чудодее, который наживал опыт, а проживал судьбу (Роджер Бэкон)», надеюсь, что читателям понравится. И, кстати, еще я в 1991 году издал книгу, посвященную образу человека раннего средневековья — «Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух». Это об Августине, Алкуине, Абеляре и Франциске.

Можете ли вы указать людей, которые повлияли на вашу судьбу и творчество, в том числе, на занятия историей алхимии?

Должен назвать своего учителя — философа Владимира Соломоновича Библера. Он тогда работал в Институте истории естествознания и технике и вел домашние семинары, они продолжались почти до самой его смерти. И вот когда я показал ему свою книгу «Исповедь книгочея», он мне сказал: «Вадик, перестаньте притворяться ученым, пишите, как Бог на душу положит». А поскольку Бог ничего плохого на душу не кладёт, я переписал её так, как хотел. «Алхимия», конечно, тоже написана по велению души, но она научновата, это книга неофита, только вступающего в научную жизнь, который подспудно старался угодить научному истеблишменту, а здесь я уже ничего не боялся.

Позвольте, может быть, глупый вопрос. Научное издание, обычно, распознается по его форме — оно требует соблюдения академического стиля, наличия справочного аппарата, сносок, последовательности формулировок. Прежде всего, вас раздражает необходимость следовать норме, или же вам скорее хочется высказаться своим голосом, который сковывает норма?

Чем глупее, тем лучше. Задача моя была воспроизвести алхимический тип мышления. Как это сделать? Организовать алхимическую лабораторию было очень дорого, и я решил написать алхимический трактат об алхимии в стилистике самого алхимического трактата, но так, чтобы в нем был отражен одновременно и современный взгляд на алхимию. Фразеологически мое сочинение алхимическое, но содержательно оно современно. Почему я выбрал этот синкретический стиль? Таким стилем, рожденным на стыке алхимического и научного, я показал синкретизм самой алхимической деятельности, невозможность ее редуцировать до научного изложения. Я всего лишь хотел воспроизвести этот предмет таким, каким он, как мне казалось, был.

Стиль больше всего раздражал моих оппонентов. Мне говорили: «Пусть содержание будет ваше, но измените стиль». Именно стиль казался опасным, расшатывал, если хотите, подрывал основы мироздания. Но почему-то этот текст нравится многим людям. Какая-то в нем есть магия, которая привлекает.

«Алхимия» в принципе обращает на себя внимание своим стилем. Все-таки попытка облачить научное содержание в литературную форму вызывает двойственную реакцию. Может быть, именно его художественность и располагает к нему, как к хорошему роману, читателя.

Когда вы говорите о том, что я облачил научное содержание в соответствующую литературную форму — это не совсем верно. Форма и содержание соотносятся не так, как это принято, например, в марксистко-ленинской эстетике. Подобному тому, как в квантовой физике, электрон является одновременно и всецело волной и частицей, так и здесь форма и содержание сосуществуют одновременно, невозможно говорить, что можно из формы достать содержание, или выразить форму, не убрав содержания. Форма творится вместе с содержанием.

Что бы вы могли порекомендовать людям, впервые приступающим к изучению алхимии, ее истории и практики?

Я советую им прочитать мои книги. В «Алхимии» выявлена история гомункулуса, который в чем-то был сродни новому советскому человеку. Это «моя» алхимия, я выразил себя и жизнь страны в этой книге. Так вот, выразить себя в предмете, который вы изучаете, войти в этот образ — это самое главное. Иначе — начетничество. Живое — это когда идет встречное движение предмета к субъекту, субъект становится алхимическим, а алхимический предмет становится современным. Без этого движения нет живого исторического знания.

Заканчивая нашу беседу, я хотел бы немного отойти от главной темы нашей встречи. Как произошел ваш поворот от естественных к гуманитарным наукам?

В химии мне было тесно, поэтому я поступил в литературный институт, который приучил меня к свободе. Гуманитарное знание в отличие от естественнонаучного не точное, но оно строгое и личностное. Гуманитарий — это кентавр, такое пограничное существо, прыгающее между чистым художественным вымыслом и точностью естественнонаучного изложения. Сейчас я обдумываю книгу о Средневековье, она будет посвящена и этой теме — «У трех кентавров». Там будет рассказано об образах, показывающих три различных стороны христианского Средневековья — «Фаустофель», «СанЧихот» и «ЯньдрогИнь».

Дискуссии о значении и необходимости гуманитарного, в частности, исторического образования до сих пор не утихают. Зачем нужны гуманитарии в принципе, могли бы вы кратко резюмировать смысл их деятельности?

Скажу загадочно — гуманитарий продлевает жизни. Что это значит? Сейчас я подготовил книгу о русском авангарде — это книга о делательном опыте В. Хлебникова и А. Крученых, может быть, лучшее из того, что я написал. Как воспроизвести эту «абракадабру» и «галиматью» русских футуристов? Они ведь как бы воссоздавали перворечь, находились в стихии дословия, формировали из него первые слова, как дети. Приближаясь к ним, я приближал их к себе. Мы, если хотите, встретились посередине этого исследова-

ния, и так я продлил свою жизнь туда, а их — сюда. Можно сказать, что я нашел алхимический эликсир бессмертия, пусть и не вечной жизни, но, по крайней мере, жизни в человеческой памяти.

Беседовал В. Раздъяконов